

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17082

EDN: GDYNCH

«Свой» и «чужой» мир в этнологическом проекте В. И. Даля

А. О. Лисков¹, К. Г. Тарасов²✉

^{1,2} *Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

¹ e-mail: liskov2000@bk.ru

² e-mail: kogetar@yandex.ru ✉

Аннотация. Статья посвящена изучению национального образа мира в художественной прозе В. И. Даля с позиций имагологического подхода. Цель работы — реконструировать эволюцию далевских представлений о «своем» и «чужом» в контексте его этнологического проекта и концепции народности. Методологическую основу исследования составляет синтез классической компаративистики (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский), семиотического и концептуального анализа (Ю. С. Степанов), а также теоретических положений имагологии (Х. Дизеринк, Й. Леерссен, труды представителей российской школы). Материалом выступили повести, «физиологические» очерки и рассказы Даля 1840–1850-х гг., включая «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту», «Савелий Граб, или Двойник», «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» и др. Авторы показали, что художественный мир Даля этноцентричен и организуется вокруг оппозиции «свой — чужой», которая, однако, в силу поликультурного опыта самого писателя нередко размывается или парадоксально трансформируется. Особое внимание уделено формированию «петербургского текста» Даля: столица предстает как «мир в мире», урбанистический космос, где видоизменяются традиционные дихотомии живого/мертвого, природного/культурного, своего/чужого. Сделан вывод о том, что художественная проза Даля является не иллюстрацией, а органической частью его этнологического проекта, сопоставимой по значимости с «Толковым словарем» и сборником пословиц. Исследование вносит вклад в понимание механизмов репрезентации национальной идентичности в русской литературе середины XIX в.

Ключевые слова: творческое наследие В. И. Даля, национальный образ мира, народность, имагология, физиологический очерк, повесть, Петербургский текст

Для цитирования: Лисков А. О., Тарасов К. Г. «Свой» и «чужой» мир в этнологическом проекте В. И. Даля // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 2. С. 206–226. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17082. EDN: GDYNCH

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17082

EDN: GDYNCH

“One’s Own” and “Alien” Worlds in Vladimir Dahl’s Ethnological Project

Arseniy O. Liskov¹, Konstantin G. Tarasov²✉

^{1,2} Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

¹ e-mail: liskov2000@bk.ru

² e-mail: kogetar@yandex.ru✉

Abstract. This article examines the national image of the world in Vladimir Dahl’s fiction from an imagological perspective. The aim of the study is to reconstruct the evolution of Dahl’s notions of “one’s own” and “alien” in the context of his ethnological project and concept of *narodnost’* (national character). The methodological basis of the study is a synthesis of classical comparative studies (A. N. Veselovsky, V. M. Zhirmunsky), semiotic and conceptual analysis (Yu. S. Stepanov), and the theoretical principles of imagology (H. Dyerink, J. Leerssen, and works by representatives of the Russian school). The material consists of Dahl’s novellas, “physiological” essays, and short stories from the 1840s–1850s, including “The Life of a Man, or a Walk Along Nevsky Prospect,” “Savely Grab, or the Double,” “The Adventures of Christian Khristianovich Violdamur and His Arshet,” and others. The authors demonstrate that Dahl’s artistic world is ethnocentric and organized around the “one’s own — alien” opposition, which, however, due to the writer’s own multicultural experience, is often blurred or paradoxically transformed. Particular attention is paid to the formation of Dahl’s “Petersburg text”: the capital is presented as a “world within a world,” an urban cosmos where traditional dichotomies of living/dead, natural/cultural, and one’s own/alien are modified. It is concluded that Dahl’s fiction is not an illustration but an integral part of his ethnological project, comparable in significance to his Explanatory Dictionary and collection of proverbs. This study contributes to our understanding of the mechanisms of national identity representation in mid-19th-century Russian literature.

Keywords: Vladimir Dahl’s literary heritage, national image of the world, *narodnost’*, national character, imagology, physiological sketch, short novel, Petersburg text

For citation: Liskov A. O., Tarasov K. G. “One’s own” and “Alien” Worlds in Vladimir Dahl’s Ethnological Project. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 2, pp. 206–226. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17082. EDN: GDYNCH (In Russ.)

Изучение национальных образов мира, национальных картин мира, моделей мира в языке, фольклоре и художественной словесности осуществляется в разных методологических парадигмах. Наиболее известным и самым универсальным подходом к изучению национальных образов мира в литературе является метод имагологического анализа.

Имагология как *сумма методов* литературоведческого исследования существует более семидесяти лет. Зарождение и раннее развитие современной имагологии связано с трудами бельгийского литературоведа Хуго Дизеринка, основателя Аахенской школы компаративистики, и французского компаративиста М.-Ф. Гийяра. Основной целью изучения образов европейских культур в литературе Дизеринк считал преодоление травмы Второй мировой войны и укрепление внутриевропейских культурно-экономических связей. Это преодоление требовало ликвидации тех этнокультурных различий, которые, по мнению исследователя, создают почву для национализма, препятствуют процессам формирования и утверждения единой западноевропейской идентичности (см.: [Dyserinck]).

Показательно, что концепция Дизеринка уже в пятидесятые годы вызвала резкие полемические возражения западных коллег. Так, например, американский литературовед Рене Уэллек, автор знаменитой «Теории литературы», усматривал в методе Дизеринка произвольную экстраполяцию собственно литературоведческой проблематики, тенденцию к политизации и вульгарной социологизации литературоведения (см.: [Leerssen: 21–23], [Поляков, 2014, 2015], [Ощепков]). Согласно Уэллеку, литературоведческое исследование должно оставаться в рамках поэтологического и структурного анализа текста.

Теоретические достижения Дизеринка отчасти развивает современный литературовед Йозеф Леерссен, чьи работы легли в основание российской имагологической методологии.

Современная имагология в основном сосредоточена на исследовании культурных стереотипов¹, мифов культуры,

¹ Так, на официальном ресурсе научного электронного журнала «Имагологические исследования» стереотипический подход к изучению культур декларируется в программе научного сообщества: Studia Imagologica [Электронный ресурс]. URL: <https://brill.com/display/serial/IMAG> (01.03.2026); см. также в библиотеке «Имагология» [Электронный ресурс]. URL: <https://imagologica.eu/aboutimagology> (01.03.2026).

их репрезентации в литературе, живописи, кинематографе, театральном искусстве, телевещании, социальных сетях и т. д. Категория стереотипа релевантна в том случае, когда мы описываем не сам образ мира, воссозданный в художественных текстах — в произведениях фольклора или авторского искусства, — но рецепцию этого мира или картины мира кем-то, его интерпретацию — будь то представитель другого этноса, другой части света или другого времени. Рецептивный момент первичен прежде всего в исследованиях западных имагологов.

Принципиальное различие западноевропейской имагологической традиции и русской школы имагологии заключается в определении предмета исследования. Если западная традиция Дизеринка-Леерссена исходит из понятия межкультурного стереотипа и его роли в межкультурной рецепции (например, стереотип «британскости» в литературе Франции), анализирует «образы» и «миражи» культуры², то российская имагология рассматривает образ *другого* в свете оппозиции «свое — чужое». Универсальная оппозиция «свое — чужое» выявляется как в традиции народного творчества (Жизнь — Смерть), так и в литературных, и в целом культурных, интерпретациях (см.: [Земсков], [Папилова], [Поляков, 2014], [Рябчикова]).

Михаил Бахтин в ранних работах о взаимодействии культур предложил фундаментальную оппозицию «Я и другие» [Бахтин, 1994]. «Вживание» в *другого*, его познание служит предпосылкой межкультурного диалога, участники которого интерпретируют знаки чужой культуры, инокультурного кода. Вместе с тем, по Бахтину, именно через понятие *другого*, в соотношении с ним выявляется природа своего; самость человека и самосознание народа определяется через то, чем мы не являемся [Бахтин, 2000]. Только «раскрывая», «объясняя» себя другому, мы отчетливо познаем самое себя. Интерпретация чужого есть обязательно истолкование себя. Антиномия «Свое и чужое», бахтинская оппозиция «Я и другие» упрочились в терминологическом инструментарии современной имагологии, расширив заимствованный тезаурус имагологии западной.

² Термины Х. Дизеринка. См. русский перевод фрагментов его трудов в кн.: [Поляков, 2015: 157–165].

Российская имагология, однако, не возникла из методологического вакуума — западноевропейские заимствования вошли в соприкосновение с достижениями многолетней традиции русской и советской компаративистики.

Исследование образов национальной культуры в литературе и фольклоре имеет богатейшую историю в отечественной гуманитаристике, охватывает наследие А. Н. Веселовского и его теорию мигрирующих сюжетов [Веселовский], сравнительные работы академика В. М. Жирмунского (развитие теории встречных течений Веселовского; изучение «международных сюжетов») [Жирмунский], мифопоэтические исследования и работы о романе Е. М. Мелетинского, уже упомянутые фрагменты М. М. Бахтина (а также «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» и др. соч.), антропологические труды об эпических сюжетах О. М. Фрейденберг [Фрейденберг], семиотические исследования образов культуры Ю. М. Лотмана, наконец, труды Г. Д. Гачева.

В обширном наследии Гачева ведущей и метоодообразующей является идея «этнокультурогенеза» — поступательного развития национальных культур, охватывающего все сферы человеческого опыта: духовность и духовную культуру (в т. ч. религиозные культы и литературу), материальную культуру, экономические отношения, формы научного знания. Гачев, как и Дизеринк, воссоздавал «ментальности мира», понимаемые ученым как некие общие структуры миропознания, отличающие нации, уникальные сами по себе или имеющие соответствия у других наций. Изучение национальных представлений о Космосе («единое материальное вселенной»: космогонии, пантеоны, «набор основных архетипов») и Логосе («Дух вселенной»), отраженных в фольклоре и литературе, помогает увидеть «Инвариант бытия», «Абсолют» всечеловеческого образа мира [Гачев: 6, 11, 12]. Сравнительное описание образов мира ученый осуществляет с опорой на конкретные параметры природы и культуры (иерархия четырех стихий, времен года, чувств, видов искусства), на универсальные дихотомии (пространство и время, причина и цель, свобода и необходимость, интровертность и экстравертность) в их

этнокультурном существовании. По Гачеву, вдумчивое изучение национальных образов мира не только способствует укреплению взаимопонимания между нациями, народами, субэтносами, но и выявляет их самодовлеющую ценность и общекультурную значимость: в полифоническом богатстве образов мира равно губельны и злоупотребления национализма, и неизбежно упрощающая унификация глобализма.

Параллельно гачевским поискам собственную методологию изучения национальных образов мира развивал профессор Ю. С. Степанов. Исследуя и описывая концепты — «сгустки культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов: 43], — Степанов формировал матрицы понятий («констант»), универсальных для русского сознания в разные эпохи, в их исторической изменчивости и неизменной полноте (среди таких констант он описывает понятия «Вера», «Письмо», «Партийность», «София», «Закон», «Цивилизация», «Культура» и др.). В основании этнопоэтического исследования лежит концептуальный, или тезаурусный, анализ. «Концепты образуют культурный код языка, литературы, народа» [Захаров: 12], а значит, и модель мира, существующую в литературе, должно описывать в концептах. Поэтому концептуальный анализ Степанова в нашей работе имеет принципиальное значение: выявление сущности таких понятий, как «свое», «чужое», «живое», «мертвое», «народ», «народность», «нация», «национальное», «культура», «цивилизация», «восточное», «западное», «европейское», «русское», «вера», «неверие», «богоискательство», «богоборчество», выявление их универсального смысла и, главное, изучение их интерпретации в прозе В. И. Даля позволяет реконструировать национальный образ мира писателя.

Далевская картина мира начинается с языка. В центре мироустройства помещена Личность, реализующая себя в языке и воплощающая духовные потенции народа. Собственно художественная стратегия Даля подчинена общей интенции его научного творчества — изучению и восстановлению образа национального мира, образа духовной культуры народа в языке и языковом творчестве. Именно поэтому мы не найдем в прозе

Даля той глубины социальной, психологической рефлексии, какая отличает, например, прозу Н. В. Гоголя и раннего И. А. Гончарова; не найдем философической напряженности, сложной теоретичности, «антропологичности», присущей сочинениям князя В. Ф. Одоевского (например, в новелле «Себастьян Бах», в повестях «Последний квартет Бетховена», «Саламандра»). Наконец, не следует искать в ней художественного истолкования исторических процессов или их романтического переосмысления, подобного исканиям И. И. Лажечникова, М. П. Погодина и А. Ф. Вельтмана. Художественная проза Даля как бы иллюстрирует, а точнее сказать, продолжает его языковедческие, фольклористические и этнологические штудии. Подобное заключение о прозе Даля сделал еще И. С. Тургенев, а прежде него народоописательный и культурологический смысл художественных сочинений Даля отметил В. Г. Белинский. И первый, и второй выделяли особым пунктом «народность» далевской прозы, замечательное знание писателем нравов, обычаев и коренного быта народа. Интересно заметить, что в оценке Тургенева «народность» Даля принципиально отлична от народности Пушкина и Гоголя. «Народность» Даля, по Тургеневу, «нелитературна»:

«Русского человека он [Даль] знает, как свой карман, как свои пять пальцев. Когда, лет десять назад, появились первые рассказы Казака Луганского — они обратили на себя всеобщее внимание читателей русским складом ума и речи, изумительным богатством чисто русских поговорок и оборотов. Нельзя было признать в них особенно художественного достоинства со стороны содержания, но своим неподдельным и свежим колоритом они резко отличались от пошлого балагурства неприванных народных писателей. Как первые опыты сильного таланта, эти сказки замечательно хороши; но такого рода сочинения не имеют еще истинно литературного значения...» [Тургенев: 278].

В подобном ключе прозу Даля прочитывал и Н. Г. Чернышевский [Чернышевский: 828–848, 983–986]. Молодой Чернышевский, на наш взгляд, выявил объективные качества далевской прозы: наблюдательность и восприимчивость к живому слову. Однако в шестидесятые он уже отказывался

признавать ее социологические и типологические возможности, замеченные в сороковые годы Белинским.

Уже в XX в. Горький, говоря о значении далевской прозы, отмечал среди ее существенных качеств этнографичность, основанную на глубоких познаниях, подкрепляющих «народность» Даля-писателя: «...Даль не художник, он не пытается заглянуть в душу изображаемых им людей, зато их внешнюю жизнь он знает, как никто не знал ее в то время» [Горький: 187]. Очевидно, что Горький оценивал Даля, опираясь в том числе на представления Тургенева, Л. Н. Толстого, Чернышевского о народности литературы.

Восстанавливая и описывая далевскую картину мира, мы должны исходить из этого принципа мышления писателя, определяющего репрезентацию действительности в его сочинениях, а значит, — и поэтику прозы в целом. Художественный мир Даля этноцентричен — поэтому основной категорией его мышления с полным основанием можно назвать народность в широком понимании. «Его концепция народности, основанная на скрупулезном изучении "живого" языка, народного творчества и быта, предлагает не идеологическую конструкцию (какой, например, являлась "триада Уварова" "православие, самодержавие, народность"), а объективную, эмпирически и практически выверенную модель национального мировоззрения, формировавшуюся на протяжении всей жизни Даля и рассредоточенную по всем страницам его литературных произведений, публицистики и ключевых творений: "Толкового словаря живого великорусского языка" и сборника "Пословицы русского народа"» [Тарасов: 99].

Мировоззрение русского народа в различных соотношениях и взаимоотношениях составляют языческое и христианское начала. Первое существует не только в рудиментарном, остаточном виде, сохраняясь в суевериях, сезонных обрядах и народных интерпретациях некоторых христианских сюжетов (например, о Георгии Змееборце или Илье Пророке) и связанных с ними торжеств, но и вообще в этосе народа, в системе его экзистенциальных, нравственных представлений (см.: [Клейн], [Максимов]). Подобный дуализм, отмеченный в классических трудах отечественных этнологов и фольклористов,

отражается в сказках, повестях, в драматургии Даля (см.: [Юган]). И коль скоро язык есть вместилище и обитель народного духа, то в языковых — словарных, идиоматических, фразеологических — решениях Даля следует искать ключи к осмыслению и описанию этого мировоззрения. Здесь необходимо отметить, что строго религиозный момент, вопрос конфессионального самоопределения — в условиях ли церковного причастия, в ортодоксальном ли ключе или в еретическом, в художественной прозе Даля с однозначностью не решается.

Куда значительнее для писателя оказывается проблема этнокультурного, генеалогического самоосмысления героя — и в этом смысле весьма показательно, что мотив двойничества у Даля реализован в сюжетах национального самоискательства. Такая перспектива открывается в повести «Савелий Граб, или Двойник», в которой заглавный герой переживает раздвоение, выясняя особенности своего польско-русского происхождения; причем этнический момент осложняется моментом сословным: сюжет подмены знатного младенца и новорожденного простолюдина. Генеалогический аспект прозы Даля, вероятно, подкрепляется особенностями происхождения писателя. «Межнациональность» писателя унаследовали многие из его протагонистов: немец Христиан Христианович Виольдамур, поляк Савелий Граб, немец Осип Иванович. Представляется, что автобиографические сомнения самого Даля — нецерковного человека («...внешность заступает вовсе дорогу духовному, обряд вытесняет мысль и чувство...»³), лютеранина, принявшего незадолго до кончины православие, русского писателя датских, французских и немецких кровей, уроженца Луганщины, полиглота («многоязычника») и гумбольштианца, защитника просвещения и в общем-то славянофила — словом, человека сложной идентичности — представляется, что все это в значительной степени определило нестрогость, нечеткость оппозиции «свое и чужое» в ее художественной реализации.

Особого обсуждения требует вопрос о соотношении христианского и языческого начал в репрезентации народных представлений в прозе Даля. Неожиданное и вместе с тем

³ Цит. по: [Порудоминский: 12].

показательное значение языческой основы народного мышления проявляется в отношениях народа и власти: так, в «картине из русского быта» «Мертвое тело» этические представления народа писатель рисует в двух противоположных истолкованиях: гуманном и нехристианском. Гуманность, человечность русского мужика проявляется в гостеприимности, готовности уберечь чужеземца единой с ним христианской веры, языка, подданства, а значит, общей человеческой судьбы: заезжего солдата не только хлебосольно принимают в деревне, но и увещевают остаться и переждать вьюгу. Нехристианское мышление и простодушная бесчеловечность «вдовы» (хладнокровное убийство немощного старика) — не от свирепости нрава, но из опасения, как бы чего не вышло. Мысль, что незнакомый — «чужой» (и это подчеркивается в тексте) — старик может отдать Богу душу под ее крышей, приводит одинокую и в общем добродушную женщину в ужас не оттого, что мертвеца придется держать в избе и своими силами хоронить тело. Злополучная баба страшится гнева властей предержавших, боится отвечать за покойника. В неизбежности этого хозяйку истово убеждают соседи, советуя «избавиться» от полумертвого гостя, что вдова и делает по принципу «в мешок грехи да под лавку»:

«Баба подумала, да и заложила дровни и взвалила старика, который был без памяти, свезла под яр и вывалила в речку. "Стало быть, такая судьба его, — подумала она, — да и моя: авось Господь не взыщет..."» (Мертвое тело: 14)⁴.

Христианская заповедь здесь не выдерживает суеверных и бытовых практических доводов, при этом авторитет Бога в сознании бабы остается незыблемым.

Еще отчетливее противоречия народа и власти отражены в «картине» «Хлебное дельце», где чудовищное крючкотворство губернских властей, вопиющее взяточничество и бюрократизм «правое» делают «левым», а «левое» — «правым».

⁴ Здесь и далее произведения В. И. Даля цитируются в современной орфографии и пунктуации по электронному ресурсу «В. И. Даль. Полное собрание сочинений в прижизненных публикациях» (см.: [Даль]) с указанием названия произведения и страницы в круглых скобках.

Дух народа в очерках и рассказах Даля противоречив и разнообразен: христианская вера и фундаментальная, конституирующая дохристианский образ мира оппозиция «свое — чужое» сохраняются в народном сознании. Как известно, в народном творчестве, в частности, в фольклорной волшебной сказке оппозиция «свои — чужие» (в которой «свое» ассоциировано с представлением о Добре и Жизни, а «чужое» символизирует Зло/Смерть) принципиально неустранима и строго установлена, тогда как в литературе (например, в литературной сказке) она может претерпевать известные трансформации⁵, что и демонстрирует этнографическая проза Даля. Соответственно, и аксиосферу народа следует описывать с учетом фундаментальной двойственности. Даль как исследователь и собиратель понимал эту дихотомию, сохраняющуюся и в литературном творчестве писателя-этнографа. Таким образом, художественный мир Даля центрирует вариативное понятие «народа», «нации», «этноса».

Вместе с тем в творчестве Даля 1840–1850-х гг. особое место занимает форма жизнеописания, в некотором смысле центр тяжести его художественного мира смещается на своеобразную личность и ее сложную судьбу: один за другим появляются крупные тексты, заглавием указывающие на имя главного героя: «Савелий Граб, или Двойник» (1842), «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» (1844), «Павел Алексеевич Игривый» (1847) и др. Сочинением, представляющим квинтэссенцию этого корпуса биографических текстов, следует считать повесть «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту» (1843). Она не только резюмирует поиски предыдущих лет, но и обозначает новую ступень далевского миротворчества. Разработанная в предыдущих повестях схема: описание становления героя от колыбели до могилы, перипетии личной, трагической, судьбы — на сей раз осуществляется параллельно с обстоятельной хроникой Петербурга. Таким образом, картина далевского мира расширяется, включая в себя большой город, в его творчестве появляется особая урбаническая проблематика. Если раньше жизнь героя была вписана в естественные циклы — как,

⁵ См. об этом: [Неёлов, 1986, 2001].

например, в очерке «Уральский казак» (рассказ о событиях в жизни героев упорядочен сменами сезонов: «Пришла зима... Пришла весна... Пришла осень... Пришло лето...»), — то теперь темп жизни героя, его самоосмысление и мировосприятие определяются условиями «вавилонского смещения», роста городского населения, перестройкой зданий, улиц. Герой повести — Осип Иванович, сын обрусевших немцев, безобразный горбун и смиренный обыватель. Шестьдесят шесть лет «маленький человек», фрустрированный «городской (а для него значит — всемирной) неразберихой», жил «мирно и <...> однообразно» самой обыкновенной — заурядной и внешне бессобытийной — жизнью. Масштабные события русской истории: наполеоновские войны и возвращение русской армии из заграничного похода 1813–1814 гг. — не оставили в душевной биографии героя даже самого малого последствия:

«Так события за событиями неслись мимо О<сипа> И<вановича> и, несмотря на силу впечатлений своих, едва касались его краем полы, не производя в единообразной жизни его никакого переворота» (Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту: 42).

Потрясением, отчасти трансформирующим миропредставление героя, становится стихийное бедствие — катастрофическое наводнение в столице 1824 г., описанное в знаменитых пушкинских стихах:

«О<сип> И<ванович> с бессознательным страхом расспрашивал: какие же будут приняты вперед от подобных неблагоприятных покушений мокрой стихии меры? Останется ли Питер на том же месте, или, как уже значительная часть Невского проспекта неоднократно была сломана, то не вздумают ли перенести Петербург в Москву, которая, как слышно, лежит выше? И тут Иосиф наш уже не боялся этого перемещения <...>. О<сип> И<ванович> полагал, что дело зависит частью от этого начальства; он не видел причины, почему бы наводнению не быть каждый день, коли уже опыт доказал, что оно быть может; и в этом случае не видел возможности оставаться и жить в Петербурге, "разве, — прибавлял он, — разве где-нибудь на Литейной, куда вода, как слышно, не дошла; но ведь это уже не Петербург,

там есть свои жители, а тут свои, все равно как живут люди в Цареграде и в Америке"» (Жизнь человека...: 41–42).

Однако дальше фантастических допущений мысль Осипа Ивановича не простирается. Жизнь героя остается эпизодом в истории города, его культуры, нравов. Житель Невского проспекта, мыслимого героем как бы городом в городе, «околотком» упорядоченного бытия в большом хаотическом пространстве, сознает себя не суверенной личностью, но частью места, духом места, невозможным, неспособным к жизни вне пределов родного квартала:

«Все, что лежало вне проспекта, Осип Иванович называл заграничным...» (Жизнь человека...: 24).

Индивидуальность героя равна его социальной функции: конторского служащего, секретаря или аптечного работника.

Уже отмеченные нами параллели сюжета повести с обстоятельствами, описанными в пушкинском «Медном всаднике», не исчерпываются мотивом рокового для героев наводнения; образ деспотичного властелина, воплощенный у Пушкина в фигуре ожившей статуи, довлеет и над героем Даля — очутившись у подножия памятника, «зазевавшийся» Иосиф попадает под колеса мимолетной кареты, а в довершение своих бедствий отважившийся вдруг оставить родной «околоток» герой оказывается заподозренным в воровстве:

«В то время нередко случалось, что шалуны отвергивали позолоченные верхушки копий от ограды памятника <...> О<сип> И<ванович>, с испугу от наехавшей кареты, ухватился за прут решетки и вскочил на каменное основание ее; часовому показался издали прыжок этот подозрительным; он закричал ефрейтора, и бедного Иосифа, ни с того ни с сего, взяли было на гауптвахту» (Жизнь человека...: 34–35).

Происшествие, случившееся с героем «на чужбине», настолько потрясло «маленького человека», что «воспоминание о памятнике Петра Великого заставляло его на улице снимать со страхом шляпу, а у себя в доме оглядываться во все стороны, не угрожает ли опять откуда-нибудь бедствие и гибель» (Жизнь человека...: 35).

В повести центральная улица Петербурга представлена как «столица» столицы:

«Невский проспект, от Дворцовой площади и до Невского монастыря, — это не только целый город, целая столица, это целый мир; мир вещественный и мир духовный; мир событий, столкновений, случайностей, мир хитрой и сложной расчетливости, тонких происков, продувного пустозвона и грубых обманов; это палата ума и торная колея дурачества; бездна премудрости и шутовской подмост фиглярства; кладезь замысловатости и битая мостовая пошлости; картинная галерея скромной модности и позорище модной скромности; <...> базар чванства и суетности, толкучий рынок многих, если не всех, слабостей и глупостей людских; опорная точка, основание действий и целой жизни одного человека — поворотный круг и солнцестояние другого; это ратное поприще и укромная келия — бег взапуски на беспредельное пространство и тесный круг коловращения вкруг наемного очага. Разгульная песнь лихого тунейдца сливается здесь с тихим вздохом труда и стоном нужды...» (Жизнь человека...: 1–2).

Нагнетанием перифраз, парных сравнений и фразеологизированных уподоблений Даль добивается универсальности в изображении жизни города (город обнимает все, воплощает все — как мир в мире), «физиологии» мегаполиса, малейшей частью которого становится его герой. Архитектурные трансформации, перестройка города оборачиваются для героя крушением привычного мира. Переезд оказывается подобен эсхатологическому исходу.

Образ Петербурга как своеобразного государства в государстве, впервые созданный Далем, по-видимому, в очерке «Жизнь человека...», разрабатывается в повести «Похождения Христиана Христиановича...». Быт, нравы, национальные особенности жителей той или другой «стороны» Петербурга (обрусевшие немцы, чухонцы, евреи, цыгане) рисуются как будто между делом, «походя», но с тщательностью, которую не умаляет и не маскирует ни словесное балагурство рассказчика, ни «игривость» повествования. Образ Петербурга, как и картины сельского быта, Даль воссоздает с физиологической

точностью, реконструирует этос мещан и «дворни» («Петербургский дворник», «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета»), особенности взаимоотношений простолюдинов и «бар» («Денщик»), торговцев и представителей прочих сословий, говорящих каждый по-своему и по-своему понимающих единый для всех мир. Физиологическая точность в далевском изображении Петербурга становится отчетливо ясной при сравнении с городскими картинами, представленными как в современных ему произведениях русской литературы, так и в путевых заметках иностранных гостей, показывающих образ императорской столицы как результат уникального проекта петровских преобразований.

Образы мира в творчестве Даля для удобства детального изучения следует классифицировать, выделив из общего целого картины «городского мира», «сельского мира», мира природы и мира культуры. Каждый из «малых» миров по-разному организует внутренние связи Человека, Природы, Быта, имеет собственную мифологию и, будучи частью единого мира, представляет собой уникальный Космо-Психо-Логос (по Гачеву), выраженный в художественном слове, в конкретных сюжетах. Образ автора не принадлежит к этому миру, но, по Бахтину, находится на его периферии, завершая строе-ние мира в герое.

Художественное творчество Даля, таким образом, представляется нам неотъемлемой составляющей обширного этнологического проекта писателя, опытом эстетического осуществления научных поисков, реализованных в «Словаре живого великорусского языка», двухтомных «Пословицах и поговорках русского народа». Подобное соотношение делает литературную стратегию Даля уникальной.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Работы 1920-х годов: [к 100-летию со дня рождения]. Киев: Next, 1994. 384 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 9–226. (Сер.: Academia.) EDN: YFQTGJ

3. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Избранное: историческая поэтика. СПб.: Универ. книга, 2011. С. 535–670. (Сер.: Российские Пропилеи.)
4. Гачев Г. Д. Космо-Психоло-Логос: национальные образы мира. М.: Академич. проект, 2007. 510 с. (Сер.: Технологии культуры.)
5. Горький А. М. История русской литературы. М.: Худож. лит., 1939. 338 с. (Сер.: Архив А. М. Горького: т. 1.)
6. Даль В. И. Полн. собр. соч. в прижизненных публикациях. Петрозаводск, 1999–2002 // Philolog.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.ru/vdahl/texts/texts.htm> (01.03.2026).
7. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: избр. тр. Л.: Наука, 1979. 493 с.
8. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (01.03.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH
9. Земсков В. Б. Теоретические аспекты: о рецепции и репрезентации «другой» культуры // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI в.): сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. В. Б. Земсков. М.: Новый хронограф, 2011. С. 4–26.
10. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна: к реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с. EDN: QTKWTD
11. Максимов С. В. Собр. соч.: [в 20 т.] / с портретом автора и вступ. очерком его жизни и литерат. деятельности П. В. Быкова. СПб.: Просвещение, 1912. Т. 18: Нечистая сила. Неведомая сила. 295 с. (Сер.: Всемирная б-ка. Собр. соч. извест. рус. и иностр. писателей.)
12. Неёлов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 200 с.
13. Неёлов Е. М. К интерпретации оппозиции «свой/чужой» (примирение непримиримого) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: мат-лы 3-й Междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 12–13 марта 2001 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 10–12.
14. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_14751028_80571725.pdf (01.03.2026). EDN: MKUSMH
15. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17304687_82255380.pdf (01.03.2026). EDN: OORQMV
16. Поляков О. Ю. Становление и развитие категориального аппарата имагологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного

- университета. 2014. № 9. С. 125–134 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22917564_67346932.pdf (01.03.2026). EDN: THNDFR
17. Поляков О. Ю. Имагология. Киров: ВятГУ, 2015. 184 с.
 18. Порудоминский В. В. Даль. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 1971. 384 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 17 (505).)
 19. Рябчикова Е. Е. Имагология как раздел литературоведческой компаративистики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 2. С. 52–59 [Электронный ресурс]. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/555/5-Рябчикова_52-59.pdf (01.03.2026). DOI: 10.5922/2225-5346-2018-2-4. EDN: XTXVBB
 20. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2004. 992 с.
 21. Тарасов К. Г. Концепция народности Владимира Даля // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 97–111 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1764581286.pdf (01.03.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.16022. EDN: BUYNKL
 22. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом); редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978. Т. 1: Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски, 1834–1849. 574 с.
 23. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточ. лит-ра РАН, 1998. 800 с. (Сер.: Исследования по фольклору и мифологии Востока.) EDN: QZNXN
 24. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского и др. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 7: Статьи и рецензии, 1860–1861. 1095 с.
 25. Юган Н. Л. Фольклорно-мифологическая основа сюжета пьесы В. Даля «Ночь на распутье» // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр.: материалы VII Междунар. научно-практ. конф. (Саратов, 25–26 мая 2017 г.) / под ред. Т. Д. Беловой, А. Л. Фокеева. Саратов: Саратовский источник, 2017. Вып. 7. С. 91–97 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32396262_90607736.pdf (01.03.2026). EDN: YOAXER
 26. Dyserinck H. *Komparatistische Imagologie: zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts / Herausgegeben von Hugo Dyserinck und Karl Ulrich Syndram. Bonn: Bouvier, 1988. S. 13–37. (Ser.: Aachener Beiträge zur Komparatistik.)*
 27. Leerssen J. *Imagology: History and Method // Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters : A Critical Survey / ed. by M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 17–32. (Ser.: Studia Imagologica; issue 13.)*

References

1. Bakhtin M. M. *Raboty 1920-kh godov: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Works from the 1920s: on the 100th Anniversary of His Birth]. Kyiv, Next Publ., 1994. 384 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Author and Hero in Aesthetic Activity. In: *Bakhtin M. M. Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Bakhtin M. M. Author and Hero: Towards the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 9–226. (Ser.: Academia.) EDN: YFQTGJ (In Russ.)
3. Veselovskiy A. N. Poetics of Plots. In: *Veselovskiy A. N. Izbrannoe: istoricheskaya poetika* [Veselovsky A. N. Selected Works: Historical Poetics]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2011, pp. 535–670. (Ser.: Russian Propylaea.) (In Russ.)
4. Gachev G. D. *Kosmo-Psikho-Logos: natsional’nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the World]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2007. 510 p. (Ser.: Technologies of Culture.) (In Russ.)
5. Gorky A. M. History of Russian Literature. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1939. 338 p. (Ser.: A. M. Gorky’s Archive; vol. 1.) (In Russ.)
6. Dahl V. I. The Complete Works in Lifetime Publications. Petrozavodsk, 1999–2002. In: *Philolog.ru*. Available at: <https://philolog.ru/vdahl/texts/texts.htm> (accessed on March 1, 2026). (In Russ.)
7. Zhirmunskiy V. M. *Sravnitel’noe literaturovedenie: Vostok i Zapad: izbrannye trudy* [Comparative Literary Criticism: East and West: Selected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 497 p. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on March 1, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH (In Russ.)
9. Zemskov V. B. Theoretical Aspects: on the Reception and Representation of “Other” Culture. In: *Na perelome: obraz Rossii proshloy i sovremennoy v kul’ture, literature Evropy i Ameriki (konets XX — nachalo XXI v.): sbornik nauchnykh trudov* [At the Turning Point: The Image of Russia Past and Present in the Culture and Literature of Europe and America (Late 20th — Early 21st Centuries): Collection of Scientific Papers]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2011, pp. 4–26. (In Russ.)
10. Kleyn L. S. *Voskreshenie Peruna: k rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo yazychestva* [Resurrection of Perun: Towards the Reconstruction of East Slavic Paganism]. St. Petersburg, Evrasiya Publ., 2004. 480 p. EDN: QTKWTD (In Russ.)
11. Maksimov S. V. *Sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [The Collected Works: in 20 Vols]. St. Petersburg, Tovarishchestvo “Prosveshchenie” Publ., 1912, vol. 18: Evil Spirit. Unknown Force. 295 p. (Ser.: The World Library. Collected Works of Famous Russian and Foreign Writers.) (In Russ.)

12. Neyolov E. M. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki [The Magical and Fairytale Roots of Science Fiction]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 200 p. (In Russ.)
13. Neyolov E. M. On the Interpretation of the Opposition “Our/Alien” (Reconciliation of the Irreconcilable). In: “Svoyo” i “chuzhoe” v kul'ture narodov Evropeyskogo Severa: materialy 3-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Petrozavodsk, 12–13 marta 2001 goda) [“Our” and “Alien” in the Culture of the Peoples of the European North: Proceedings of the 3rd International Scientific Conference (Petrozavodsk, March 12–13, 2001)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, pp. 10–12. (In Russ.)
14. Oshchepkov A. R. Imagology. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2010, no. 1, pp. 251–253. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_14751028_80571725.pdf (accessed on March 1, 2026). EDN: MKUSMH (In Russ.)
15. Papilova E. V. Imagology as a Humanitarian Discipline. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M. A. Sholokhova. Ser.: Filologicheskie nauki [Bulletin of the Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Ser.: Philological Sciences]*, 2011, no. 4, pp. 31–40. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17304687_82255380.pdf (accessed on March 1, 2026). EDN: OORQMV (In Russ.)
16. Polyakov O. Yu. On the Formation and Development of the Categorical Structure of Imagology. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Herald of Vyatka State Humanitarian University]*, 2014, no. 9, pp. 125–134. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22917564_67346932.pdf (accessed on March 1, 2026). EDN: THNDFR (In Russ.)
17. Polyakov O. Yu. *Imagologiya [Imagology]*. Kirov, Vyatka State University Publ., 2015. 184 p. (In Russ.)
18. Porudominskiy V. V. *Dal' [Dahl]*. 2nd ed. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1971. 384 p. (Ser.: Lives of Remarkable People. Biographies Series; issue 17 (505).) (In Russ.)
19. Ryabchikova E. E. Imagology as a Part of Comparative Literary Studies. In: *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent [Slovo.ru: Baltic Accent]*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 52–59. Available at: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/555/5-Рябчикова_52-59.pdf (accessed on March 1, 2026). DOI: 10.5922/2225-5346-2018-2-4. EDN: XTXVBB (In Russ.)
20. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]*. 3rd ed., corrected and supplemented. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ.)
21. Tarasov K. G. Vladimir Dahl's Concept of the Russian Folk Spirit. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 4, pp. 97–111. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1764581286.pdf (accessed on March 1, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.16022. EDN: BUYNKL (In Russ.)

22. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Sochineniya: v 12 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 30 Vols. Works: in 12 Vols]. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow, Nauka Publ., 1978, vol. 1: Poems, Verses, Articles, and Reviews, Prose Sketches, 1834–1849. 574 p. (In Russ.)
23. Freidenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1998. 800 p. (Ser.: Researches on Folklore and Mythology of the East.) EDN: QZNJXN (In Russ.)
24. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [The Complete Works: in 15 Vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1950, vol. 7: Articles and Reviews, 1860–1861. 1095 p. (In Russ.)
25. Yugan N. L. Folklore and Mythological Basis of the Plot of V. Dahl’s Play “Noch’ na rasput’e” (“Night at the Crossroads”). In: *Mezhdistsiplinarnye svyazi pri izuchenii literatury: sbornik nauchnykh trudov: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Saratov, 25–26 maya 2017 goda)* [Interdisciplinary Connections in the Study of Literature: A Collection of Scientific Papers: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (Saratov, May 25–26, 2017)]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2017, issue 7, pp. 91–97. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_32396262_90607736.pdf (accessed on March 1, 2026). EDN: YOAXER (In Russ.)
26. Dyerinck H. Komparatistische Imagologie: zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur [Comparative Imagology: On the Political Significance of a European Science of Literature]. In: *Europa und das nationale Selbstverständnis: imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts* [Europe and National Self-Understanding: Imagological Problems in Literature, Art, and Culture of the 19th and 20th Centuries]. Bonn, Bouvier Publ., 1988, pp. 13–37. (Ser.: Aachener Beiträge zur Komparatistik.) (In German)
27. Leerssen J. Imagology: History and Method. In: *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Survey*. Amsterdam, Rodopi Publ., 2007, pp. 17–32. (Ser.: Studia Imagologica; issue 13.) (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лисков Арсений Олегович, аспирант кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1600-0657>; e-mail: liskov2000@bk.ru.

Arseniy O. Liskov, Graduate Student of the Department of Classical Literature, Russian Literature, and Journalism of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1600-0657>; e-mail: liskov2000@bk.ru.

Тарасов Константин Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1037-4973>; e-mail: kogetar@yandex.ru.

Konstantin G. Tarasov, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature, and Journalism of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1037-4973>; e-mail: kogetar@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.04.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 04.05.2026

Принята к публикации / Accepted 05.05.2025

Дата публикации / Date of publication 25.05.2026